Александр Фомин

Книга для души: Изборник 1076 года и рождение русской нравственности

Александр Фомин

Книга для души: Изборник 1076 года и рождение русской нравственности

«Автор»
2026

Фомин А.

Книга для души: Изборник 1076 года и рождение русской нравственности / А. Фомин — «Автор», 2026

Эта книга — о тишине, которая говорит. О маленькой карманной книге XI века, созданной в Киеве для князя Святослава Ярославича. «Изборник 1076 года» — не энциклопедия и не свод знаний, а учительная книга о том, как жить: о кротости, милосердии и тишине. Дьяк Иоанн выводил букву за буквой, безымянный писец продолжал его труд, а через тысячу лет мы всё ещё слышим их голос. Это рассказ о людях и времени, о двух орфографических школах на страницах одной рукописи, о болгарском следе и русской правке, о двадцати семи списках и о чуде, которое не смолкло. Для всех, кто любит историю не как набор дат, а как живые судьбы, и книги — не как текст, а как собеседник.

© Фомин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 5
Предисловие 6
Часть I. Книга 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Александр Фомин
Книга для души: Изборник 1076 года и рождение русской нравственности

Содержание

Предисловие
Часть I. Книга
Глава 1. 1076 год: заказ для души
Глава 2. Дьяк Иоанн и безымянный писец: две орфографические школы
Глава 3. «Карманная книга»: формат как философия
Часть II. Слово
Глава 4. «Слово некоего калугера»: гимн чтению
Глава 5. «Стословец»: азбука нравственности
Глава 6. «Поучение» Агапита: зеркало для правителя
Часть III. Учительство
Глава 7. Как читали в XI веке: почитание книжное
Глава 8. Болгарский след и русская правка: своё прочтение
Глава 9. «Учительная книга»: нравственность вместо догмата
Часть IV. Судьба
Глава 10. 27 списков: жизнь после автора
Глава 11. От Киева до Болгарии: путь текста
Часть V. Мудрость
Глава 12. Чему учит «Изборник 1076» сегодня
Заключение. Тишина, которая не смолкла

Предисловие

О чём эта книга

Эта книга — о тишине. О той тишине, которая не молчит. А говорит. Тихо. Мудро. С любовью.

Она — о книге, которую держал в руках человек XI века. В кожаном переплёте. Без золота. Без миниатюр. С киноварью. С заставками. С инициалами. Он открывал её — и перед ним разворачивался не «мир знаний». А «мир души». Бог. Человек. Кротость. Милосердие. Тишина.

Эта книга называлась «Изборник». Или, как её называют сегодня, «Изборник 1076 года». Она была создана в Киеве, в княжеском тереме, в правление князя Святослава Ярославича. Дьяк Иоанн выводил букву за буквой. Безымянный писец продолжал его труд. Художники добавляли краски. Киноварь. Заставки. И книга росла. Дышала. Жила.

Это — рассказ. О людях. О времени. О том, как рождалась русская нравственность. И о том, почему одна книга может пережить своего заказчика — и всё ещё говорить с нами.

О чём молчит «Изборник 1076»

«Изборник 1076» — это «учительная книга». 37 статей. 277 листов пергамента. «Слово некоего калугера о чтении книг». «Стословец» патриарха Геннадия. «Поучение» Агапита. Извлечения из Василия Великого и Иоанна Златоуста. Жития святых.

За каждой статьёй стоит вопрос. За каждым ответом — поиск. За каждой страницей — человек, который хотел знать. Понять. Найти. Не «что думать». А «как жить».

И мы пойдём по этим страницам. Как по ступеням. От вопроса — к ответу. От терема — к келье. От Святослава — к нам.

Как мы будем читать

Мы будем идти медленно. Не спеша. Как шёл дьяк Иоанн из скриптория в терем. Как выводил букву за буквой. Как читал при свече. Как думал годами. А потом — написал. И оставил.

Мы заглянем в терем князя Святослава. Увидим, как рождается заказ. Как выбирают писцов. Как начинается работа. Мы разберём загадку двух орфографических школ — болгарской и русской. Мы пройдём через «Слово некоего калугера» — гимн чтению. Через «Стословец» — азбуку нравственности. Через «Поучение» Агапита — зеркало для правителя. Мы увидим, как «Изборник» пришёл из Болгарии — и как был отредактирован на Руси. Как «лишился монашеской ригористичности» — и «приблизился к речи тогдашних восточных славян». И мы услышим голос «Изборника 1076» — не «голос прошлого». А «голос тишины».

Иногда будет сложно. Богословие — не самая простая наука. Текстология — не самая увлекательная. Но мы постараемся объяснить всё просто. Без воды. Без снобизма. Так, чтобы было интересно и школьнику, и взрослому. Чтобы вы читали «Изборник 1076». Как рассказ. Как детектив. Как историю о книге, которая учила Русь тишине.

Для кого эта книга

Для тех, кто любит историю. Не даты и не схемы. А живые судьбы. Живые вопросы. Живые ответы.

Для тех, кто любит книги. Не только читать. А рассматривать. Держать в руках. Чувствовать запах пергамента. Видеть краски. Слышать тишину.

Для тех, кто думает, что наука — это скучно. И хочет убедиться в обратном. Потому что наука — это страсть. Это спор. Это поиск. Это радость открытия.

Для тех, кто хочет понять, откуда есть пошла русская нравственность. Не «вообще». А конкретно. Через одну книгу. Через её судьбу. Через её людей.

И для тех, кто уже читал первые книги. Чтобы увидеть: вот четвёртый полюс. Не вещь. Не свет. Не голос. Тишина. И всё равно — живая. Человеческая. Настоящая.

Почему сейчас

Потому что «Изборник 1076» «далеко не изучен». Потому что спорят о заказчике. О происхождении. О читателях. О смысле. Потому что наука — не закончена. Она продолжается. И мы можем в ней участвовать. Хотя бы — читая.

Потому что тишина, собранная в этой книге, всё ещё нужна. И мы можем её услышать. Не через мистику. Не через чудо. А через труд. Через внимание. Через любовь.

Потому что «Изборник 1076» — это не про «прошлое». Это про нас. Про наше «сегодня». Про наши вопросы. Про наши страхи. Про наши надежды. Он говорит: «Будь тихим». «Будь кротким». «Будь милосердным». И это звучит до сих пор.

Что вы найдёте в этой книге

Вы найдёте человека. Святослава. С именем которого связывают эту книгу. Который, быть может, заказал её, чтобы доказать, что он не «захватчик», а «князь по праву». Который умер через три года после её создания. Чьё имя стёрли — и написали другое. Который оставил след — не в истории, а в тишине.

Вы найдёте книгу. «Изборник 1076». Не «памятник литературы». А «учительную книгу». «Слово некоего калугера». «Стословец». «Поучение» Агапита. Кротость. Милосердие. Тишина.

Вы найдёте загадки. Изяслав или Святослав? Изяслав или Симеон? Кто стёр имя? И почему? Ответов нет. Есть гипотезы. Есть споры. Есть приглашение.

Вы найдёте тишину. Тот самый. От свечи в келье. От страниц, которые читали в тишине. От глаз на инициале. И от того, что книга — живёт. До сих пор. С нами.

Обращение к читателю

Эта книга — не для того, чтобы «узнать факты». Факты можно найти в энциклопедии. Она — для того, чтобы почувствовать. Услышать. Увидеть. Понять.

Мы не будем «проходить» «Изборник 1076». Мы будем его читать. Медленно. Внимательно. С уважением. Как читали в XI веке. Вслух. С интонацией. С паузами.

И может быть — в конце — вы услышите тишину. Тихо. Сквозь тысячу лет. «Будь тихим». «Будь кротким». «Будь милосердным». И вы не побоитесь. Потому что поймёте: это — не «догма». Это — жизнь. Это — поиск. Это — тишина.

Часть I. Книга

Глава 1. 1076 год: заказ для души

Осень в Киеве

Осень 1076 года. Киев.

Город стоит на холмах над Днепром. Река широкая, тёмная, холодная. По ней плывут последние ладьи — купцы торопятся до зимних пристаней, и их паруса кажутся серыми на фоне серого неба. Над Подолом висит сырая мгла. Софийский собор, недавно построенный, белеет на холме. Его купола — свинцовые, тяжёлые — отражают тусклый свет, и кажется, что собор дышит. Медленно. Глубоко.

В воздухе пахнет дымом и мокрой листвой. Где-то на торгу кричат торговцы — они всегда кричат, даже когда покупателей нет. Стучит топор: кто-то строит дом или чинит лодку. Собаки лают. Дети бегают по грязи, поднимая брызги. Осень в Киеве — это время, когда город готовится к долгой зиме. Все торопятся. Все что-то делают. Все ждут холодов.

А в одной из палат, в деревянном тереме с резными наличниками, сидит человек. Он немолод — ему около сорока. Его лицо сурово, руки — в мозолях и шрамах. Это Святослав Ярославич, князь киевский. Человек, которого знает вся Русь. Человек, чьё слово стоит многого.

Перед ним — пергамент. Несколько листов. Он трогает их пальцами. Пергамент гладкий, плотный, чуть прохладный. На нём ещё ничего не написано. Но скоро будет.

Святослав думает.

Он думает о том, что эта книга будет не такой, как предыдущая.

Три года назад — в 1073-м — он заказал «Изборник». Большой. Тяжёлый. В кожаном переплёте с медными застёжками. 266 листов. 383 статьи. Энциклопедию. Университет в одном томе. Книгу для княжеского стола. Книгу для власти. Книгу для мира.

Она была красивой. С миниатюрами. С золотом. С заставками. Её показывали гостям. Ею гордились. Она лежала на почётном месте.

А теперь он заказывает другую книгу.

Маленькую. Чтобы держать в руке. Чтобы брать в дорогу. Чтобы читать в тишине.

Не для княжеского стола. Для души.

Князь, который знает цену тишине

Святослав Ярославич был третьим сыном Ярослава Мудрого. Третьим. Не первым. Не вторым. Третьим. А значит, по праву старшинства, он не должен был стать князем киевским. Киев принадлежал старшему — Изяславу. Святославу доставался Чернигов. Богатый. Сильный. Но не Киев.

Но в 1073 году всё изменилось. Изяслав поссорился с братьями. Святослав и Всеволод сговорились против него. Изяслав бежал в Польшу. Святослав занял киевский стол. Не по праву. По силе. По воле. По решению братьев.

И теперь он сидит в тереме. Князь киевский. Победитель. Но не законный в глазах многих. Не «старший». Не «первый». «Третий». И ему нужно было доказать, что он не просто «захватчик». Что он — князь по праву. По мудрости. По знанию. По книге.

Он доказал. «Изборник 1073» стал его доказательством. Его манифестом. Его книгой власти.

Но прошло три года. И теперь ему нужна другая книга.

Не для власти. Для души.

Почему?

Может быть, потому что он устал. Может быть, потому что он понял: власть — не вечна. А душа — вечна. Может быть, потому что он видел смерть. Он воевал с половцами, с чудью, с другими племенами. Он терял друзей. Он знал: жизнь — это дар, который может закончиться в любой момент.

И потому он заказывает книгу. Не для того, чтобы показать её гостям. А для того, чтобы читать её самому. В тишине. При свече. В дороге.

Книга для себя.

Не «энциклопедия», а «учительная книга»

Но вот что важно. «Изборник 1076» — это не «уменьшенная копия» «Изборника 1073». Это другая книга. С другим содержанием. С другим назначением.

«Изборник 1073» был сводом знаний. Философия. Логика. Астрономия. Поэтика. Индекс запрещённых книг. Всё, что нужно знать. Всё, что нужно для власти. Всё, что нужно для мира.

«Изборник 1076» — это сборник поучений. 37 статей. О том, как жить. Как верить. Как не согрешить. Как помочь ближнему. Как простить. Как быть христианином каждый день.

Не «догмат». А «практика». Не «теория». А «жизнь».

И это — не просто случайность. Это решение. Святослав (или тот, кто составлял книгу по его заказу) хотел не «энциклопедию», а «учительную книгу». Не «свод знаний», а «руководство к действию».

Книгу, которую можно открыть на любой странице. Прочитать. Закрыть. И жить.

Кто заказал?

Мы не знаем точно, кто заказал «Изборник 1076». Может быть, сам Святослав. Может быть, кто-то из его окружения. Может быть, книжник, который имел доступ к княжеской библиотеке и хотел иметь свою книгу. Для себя. Для души.

Исследователи спорят. Одни говорят: заказ князя. Другие: заказ книжника. Третьи: «Мы не знаем».

Но что бы мы ни думали о заказчике, одно несомненно: это была книга для личного пользования. Не для церкви. Не для монастыря. Не для княжеского стола. Для человека, который хотел читать. Думать. Жить.

Что будет дальше

Через несколько дней в Киеве начнётся работа. Писец — «грешный Иоанн» — сядет за стол. Возьмёт перо. Обмакнёт его в чернила. И начнёт писать.

Он не знает, что это займёт у него месяцы. Что он напишет первые листы. Что его имя останется в веках. Что через тысячу лет люди будут читать его работу. И слышать его голос.

Но это будет потом. А пока — осень. Киев. Терем. Пергамент. И человек, который хочет оставить след.

Святослав. Князь. Воин. Человек, с именем которого связывают две книги. Одну — для власти. Другую — для души.

Глава 2. Дьяк Иоанн и безымянный писец: две орфографические школы

Утро в скриптории

Утро выдалось холодное. В деревянной палате, где работали писцы, пахло воском, чернилами и сыростью. Окна были маленькие — света мало. Приходилось зажигать свечи. Они горели неровно, мерцали, отбрасывали тени на стены. Тени были длинные, дрожащие, и казалось, что по стенам ползут чьи-то руки.

За столом сидел человек. Он был не стар, но и не молод. Лет сорока. Лицо — спокойное, внимательное. Руки — твёрдые. Это был дьяк Иоанн. Человек, которому предстояло переписать первую часть книги.

Он уже работал. Не первый день. Не первый месяц. Перед ним лежал пергамент — несколько листов. Рядом — чернильница, перья, линейка, шило для разметки. И образец — болгарская рукопись, с которой нужно было переписать текст. Толстая. Тяжёлая. В кожаном переплёте. Её привезли из далёкой Болгарии. Может быть, из Преслава. Может быть, из Охрида. Мы не знаем точно. Но она была здесь. На столе. И ждала.

Иоанн выводил букву за буквой. Медленно. Как всегда. Не спешил.

Кто он

Об Иоанне мы знаем немного. Только то, что он сам рассказал о себе в записи к книге. И ещё — то, что он был дьяком. Это значит, что он служил в церкви, помогал священнику, читал и пел на богослужениях. Он умел писать. И умел писать красиво.

Он не был монахом. Он жил в миру. У него была семья? Дети? Дом? Мы не знаем. Но мы знаем, что он был образованным человеком. Он знал книжный язык. Он знал Писание. Он умел работать с текстом.

И он был мастером. Его почерк — устав — безукоризненный. Исследователи отмечают: «высочайшая культура книжного письма». Это не лесть. Это точная оценка. Почерк Иоанна — эталон. Его буквы — как солдаты на параде. Ровные. Стройные. Красивые.

Но вот что странно. В «Изборнике 1076» Иоанн написал не всю книгу. Только часть. А потом — остановился. И дальше писал другой человек. Безымянный. Мы не знаем его имени. Не знаем, кто он. Монах? Священник? Просто грамотный человек? Мы не знаем.

Почему Иоанн остановился? Мы не знаем. Может быть, заболел. Может быть, умер. Может быть, его перевели на другую работу. Может быть, он поссорился с заказчиком. Мы не знаем. Летописи молчат. И сам Иоанн молчит. В записи он не объясняет, почему передал работу другому.

Но мы видим: книга создавалась не одним человеком. Это коллективный труд. Артель. Как и Остромирово Евангелие. Как и «Изборник 1073». Одна эпоха. Одна традиция. Один подход.

Две орфографические школы

А теперь — самое интересное. То, что делает «Изборник 1076» уникальным.

Иоанн и второй писец принадлежали к разным орфографическим школам.

Иоанн — к болгарской. Он писал по старой традиции. Той, что пришла из Болгарии. Той, что была нормой в X–XI веках. Например, он употреблял диграф «шт» в значении «щ». Это — болгарская норма. Это — старая школа.

А второй писец — к русской. Он писал по новой традиции. Той, что складывалась на Руси. Той, что была ближе к живой речи. Той, что постепенно вытесняла болгарские нормы.

И это — не «ошибка». Это разговор двух культур на страницах одной рукописи.

Болгария и Русь. Старое и новое. Традиция и своё. Один писец — «грешный Иоанн» — следует болгарской норме. Другой — безымянный — следует русской. И оба — живые. Оба — мастера. Оба — творцы.

Это как два голоса в одном хоре. Один — высокий. Другой — низкий. Один — старый. Другой — новый. Но вместе — гармония. Вместе — книга. Вместе — жизнь.

Сцена: разговор за столом

Иногда — мы не знаем, когда именно — Иоанн поднимал глаза от своей работы. Смотрел на второго писца. Тот сидел рядом. Молча. Выводил букву за буквой. Своим почерком. По своей школе.

Иоанн смотрел. Долго. Потом говорил:

— Ты пишешь «щ» — а не «шт».

Второй писец поднимал глаза. Не сразу. Сначала заканчивал строку. Потом откладывал перо. Потом смотрел на Иоанна.

— Да, — говорил он. — Пишу «щ».

— А я пишу «шт». Как в Болгарии. Как в старых книгах.

— Я знаю, — говорил второй. — Но я пишу так, как слышу. Как говорят у нас. На Руси.

Иоанн молчал. Долго. Потом говорил:

— Может быть, ты прав. Может быть, так лучше. Может быть, книга должна говорить на языке тех, кто будет её читать.

Второй писец кивал. И они возвращались к работе. Молча.

Мы не знаем, был ли этот разговор. Может быть, он был. Может быть, нет. Но мы видим следы этого разговора. На страницах. В буквах. В орфографии. Два писца. Две школы. Одна книга.

Что это значит

Это значит: «Изборник 1076» — не «монолит». Это диалог. Между болгарской традицией и русской. Между старой нормой и новой. Между «как надо» и «как слышу».

И это — не «недостаток». Это богатство. Потому что книга, которая знает только одну норму, — бедна. А книга, которая соединяет две, — живая.

Иоанн и второй писец — не «враги». Не «конкуренты». Они — соавторы. Они делают одно дело. Они создают книгу. Для души. Для чтения. Для жизни.

И их разные орфографические школы — не «ошибка». Это след. След двух культур. След двух традиций. След двух людей, которые работали рядом. Молча. Тихо. Каждый день. Перо. Чернила. Пергамент. Молитва. Тишина.

Финал: имя и безымянность

Иоанн оставил имя. Он назвал себя «грешным Иоанном». Он попросил прощения у будущих читателей. Он сказал: «Не осуждайте меня, грешного, за то, что я писал неискусно».

Второй писец — не оставил имени. Он не попросил прощения. Не рассказал о себе. Он просто работал. Тихо. Каждый день. Без имени. Без славы. Без следа.

Но мы видим его труд. Его буквы — на страницах. Его почерк — в каждой строке. Его орфография — в каждом слове.

Он не оставил имени. Но он оставил след. И этот след — живой. До сих пор.

Потому что книга — это не только текст. Это люди. Их руки. Их труд. Их тишина.

Глава 3. «Карманная книга»: формат как философия

Сцена: книга в ладони

Келья. Вечер. Свеча. Монах сидит за столом. Перед ним — маленькая книга. Он не читает. Он просто держит её. На ладони. Одной рукой. И чувствует: тяжесть. Тепло. Шершавость кожаного переплёта. Прохладу пергамента. Он смотрит на неё. Долго. Не двигается. Не думает. Просто держит.

И вдруг понимает: это не «книга». Это «продолжение руки». Не «вещь». А «часть тела». Ладонь. Пальцы. Большой палец, который будет переворачивать страницы. Указательный, который будет вести по строке. Средний, который будет придерживать переплёт.

Он открывает её. Один столбец. Не два, как в больших книгах. Один. Потому что книга маленькая. И строка — короткая. Глаз не устаёт. Палец не сбивается. Дыхание не сбивается. Читаешь — и дышишь. Читаешь — и живёшь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.